

Социальная неравновесность переходного общества

На вопросы журнала отвечает академик ТАТЬЯНА ЗАСЛАВСКАЯ

«ОНС»: Татьяна Ивановна, ваши последние работы посвящены проблемам трансформации социальной структуры российского общества. Все мы на пятом году радикальных преобразований ощущаем значительные перемены, причем перемены эти далеко не совпадают с ожиданиями, характерными для зари перестройки. Например, в вашей статье из сборника «Иного не дано», имевшего в 1988 году огромный резонанс, был дан анализ слоев и групп тогда еще советского общества, которые должны были теоретически выиграть либо проиграть от намечаемых преобразований и, соответственно, поддержать их или препятствовать им. Кое в чем этот прогноз пока не оправдался. Хотя, разумеется, там речь шла о конечном этапе перемен, а не о процессе перехода к новому для нас обществу.

Т. З.: Если возвращаться к идеям того времени, то я бы сказала так: в них было некое рациональное зерно, которое жизнь подтвердила, и, конечно, допускалось большое упрощение по сравнению с тем, что произошло в действительности. В частности, в той статье, о которой вы говорите, была приведена таблица типичных позиций представителей социальных слоев и групп по отношению к перестройке. Я дала более конкретизированный, чем в то время было принято, перечень социальных групп, выделив управленцев, представителей элиты, организованной преступности и т. д. Разумеется, в том перечне не было тех групп, которые появились позднее, да и само наше представление о социальной структуре тех времен было довольно грубым, приблизительным.

Сам трансформационный процесс оказался настолько сложным и имеющим столько компонентов, что совершенно невозможно приклеить какому-то человеку, а тем более социальному слою ярлык «сторонника» или «противника» реформ. Ведь человек может, например, поддерживать введение частной собственности на промышленное предприятие, но быть противником частной собственности на землю или тех конкретных форм приватизации, в которых она была у нас проведена; он может быть идейным сторонником либерализации экономики, но не принимать тех методов, которыми пользовались российские реформаторы «команды Е. Гайдара». Одни считают, что преобразования идут у нас слишком быстро, другие — что слишком медленно, третьи — что необходимо усилить социальную защиту и т. д., и т. п. Множество подобных позиций, проявившихся затем в реальной жизни, вносили свои коррективы в те огрубленные представления, которые господствовали во второй половине 80-х годов. Но, кстати, уже тогда, анализируя возможное поведение разных слоев населения, я говорила, что деление общества по критерию отношения к переменам будет происходить не по социальным группам, а внутри каждой из них, что и произошло. Просто каждая из этих групп будет в разной пропорции делиться на поддерживающих перемены

---

* Интервью записано 30 марта 1996 года. Работа, о которой пойдет речь, осуществляется Т. Заславской при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ 96-3-04520).

и их противников. А само разделение будет определяться, если можно так выразиться, ресурсом адаптации к новым, в общем-то более суровым условиям, к условиям конкуренции. Ведь рынок — вещь довольно жесткая.

«ОНС: Но в то время об этой жесткости практически не говорилось, и многое в сегодняшнем разочаровании, как мне кажется, берет свое начало именно в неподготовленности людей к неизбежным трудностям.

Т. З.: Думается, в этом была большая ошибка в общем-то всех демократических сторонников перестройки. Во всяком случае мне почти не приходилось общаться тогда с разумными скептиками, которые не просто ворчали, а обоснованно раскрывали трудности и сложности предстоящего пути. Тогда господствовало довольно примитивное представление, что главное для успеха преобразований — значительно расширить свободу социально-экономического поведения, снять все ограничения и запреты, предоставить людям значительно большие возможности для самореализации, творческого труда, предпринимательства, поисков новых форм экономической, технической, духовной, культурной деятельности. Это должно привести к тому, что, во-первых, люди станут гораздо счастливее, просто «расцветут», а, во-вторых, их деятельность станет подобной дрожжам, на которых начнет «восходить» все общество.

Конечно, такое представление — чисто интеллигентское, прежде всего интеллигенции творческой, связанной с общественными науками, особенно сильно чувствовавшей идеологическую несвободу. Но в то время мало кто задумывался, а являются ли действительно те свободы, которые либералы хотели предложить населению, подлинной ценностью для него? И если да, то для каких именно групп? А если есть группы, равнодушные к ценностям свободы, то какими ценностями можно их соблазнить, коль скоро сама либерализация для них таковой не является? И что с такими группами делать? То есть нужно было еще тогда начинать серьезно разрабатывать тему реактивно-адаптационного поведения массовых общественных групп.

Но в то время об этом не очень задумывались. Хотя нельзя не сказать, что в действительности жизнь несопоставимо богаче всех теоретических представлений о возможном поведении людей в разных условиях. И конкретные ситуации на местах у различных социальных групп и людей, на разных предприятиях, в разных секторах экономики несравненно разнообразнее любых умозрительных представлений. Сама жизнь предоставляет людям массу форм поведения, в том числе и таких, которые не предусматривались теоретиками, в частности девиантных, криминальных.

«ОНС: Произошедшие в стране перемены нашли отражение в изменениях в социальной структуре российского общества, которые вы изучаете. Прежде чем говорить о самих изменениях, не могли бы вы сказать несколько слов об эмпирической базе вашего исследования и имеющихся в этой сфере проблемах.

Т. З.: Проблем тут масса. Прежде всего потому, что меня интересует не просто структура, я стремлюсь выделить группы, занимающие разные позиции и выполняющие разные функции в социально-инновационном процессе. Для такой работы надо было бы проводить специальные опросы, а не анализировать массивы, которые собирали для совершенно другой цели. Но это — от бедности.

В своей работе я использовала данные Мониторинга экономических и социальных перемен в России, который уже три года проводит ВЦИОМ и Интерцентр. Наиболее ценный, с моей точки зрения, массив был охвачен в период с марта 1993 по март 1994 года. Тогда ежемесячно опрашивались по 4 тыс. человек, и из более 40 тыс. опрошенных можно было выделить около 23 тыс. работающего населения. Конечно, это уникальный источник, позволяющий идентифицировать сравнительно небольшие группы. Например, удалось «поймать» мелких

предпринимателей, лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью (таковых в выборке оказалось по 250 человек); полупредпринимателей, т. е. лиц, совмещающих предпринимательскую деятельность с работой по найму, набралось около тысячи, и их можно было разбить на отдельные подгруппы.

«ОНС: Очевидно, анализировать столь богатый и разнообразный материал трудно, если не опираешься на некую гипотезу о современном российском обществе.

Т. З.: Исследования последних лет заложили хороший фундамент объективного изучения нашего общества. Но большинство социоструктурных исследований пока относится, скорее, к «анатомии», нежели к «физиологии» общества, структура которого чаще предстает перед нами как лишенная внутренней жизни и механизмов саморазвития. Моя же цель — в изучении общества как целостной системы взаимодействующих групп и слоев, являющихся либо активными субъектами проводимых реформ, либо адаптирующимися к ним или страдающими от них «объектами».

В основу своего исследования я положила развернутую систему гипотез. Главная из них содержит, во-первых, предположительный перечень групп, заметно различающихся социальным статусом и ролью в трансформационном процессе, во-вторых, экспертную оценку каждого компонента их социального статуса, а также этого статуса в целом, в-третьих, предполагаемое распределение групп между стратами общества. Кроме того, для каждой из гипотетических групп был определен набор эмпирических признаков, на основе которых ее можно выделить.

Идентификация социальной структуры проводилась в многомерном признаковом пространстве. Были использованы 10 статусных переменных: уровень образования, самооценка квалификации, основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики (по форме собственности), размер предприятия, фирмы и т. п. по числу занятых, профессионально-должностная группа (по содержанию выполняемой работы и по самооценке) и степень благосостояния (по шкале реальных доходов).

«ОНС: Но каким образом удалось идентифицировать представителей групп с помощью стольких признаков?

Т. З.: В работе было несколько этапов. На первом каждая группа выделялась по теоретически обоснованным признакам (а материалы мониторинга содержат 19 статусных вопросов, позволяющих строить многомерные статусы). Ведь по одному признаку невозможно определить статус человека: например, самые разные позиции занимают люди с одним и тем же образованием или с одним и тем же должностным положением. Затем строился «статусный портрет» этой группы, позволяющий проверить, все ли отнесенные к ней респонденты соответствуют сущностным особенностям группы. Обнаруженные ошибочно включенные подгруппы переводились в те группы, сущностным качествам которых они в наибольшей степени отвечали. После этого строился статусный портрет уточненной группы. И процедура повторялась до тех пор, пока группа не становилась достаточно гомогенной хотя бы по главным статусным признакам.

Была установлена их определенная иерархия, в соответствии с которой и велось формирование групп. Первый приоритет отдавался участию в частнопредпринимательской деятельности, второй — участию в управлении и бизнесе на профессиональной основе. Затем остальные респонденты, занятые наемным исполнительским трудом, были разделены на работников преимущественно умственного и преимущественно физического труда и работников силовых структур. Далее, по квалификационному признаку первые были разделены на три группы, вторые — на пять и т. д.

То есть была сделана, если можно так выразиться, «ручная работа». Я понимаю, что с точки зрения своего конечного результата она может вызывать очень много претензий, потому что многое делалось волевым методом, а не на основе каких-то чисто формальных признаков. И самой мне хотелось бы рас-

сма­три­вать по­лу­чен­ный на се­го­дняш­ний день ре­зуль­тат не как ко­неч­ный, не как ис­ти­ну о со­ци­аль­ной струк­ту­ре, а как сред­ство для изу­че­ния со­ци­аль­но-де­я­тель­ной, ин­но­ва­ци­он­ной струк­ту­ры рос­сий­ско­го об­щес­тва. Глав­ное, что хо­телось бы вы­явить — раз­ли­чия груп­п по их по­ве­де­нию в транс­фор­ма­ци­он­ном про­цес­се, по их от­но­ше­нию к пе­ре­ме­нам. В этом плане ин­фор­ма­ция мо­ни­то­рин­га ока­залась не­до­статоч­ной. На­де­юсь, в бли­жай­шее вре­мя бла­го­да­ря по­лу­чен­но­му мно­ю гран­ту уда­стся вклю­чить в него 10—15 во­про­сов, ко­то­рые по­мо­гут немно­го луч­ше по­нять об­щес­тво, в ко­то­ром мы жи­вим. Имен­но это, а не ка­кие-то кон­крет­ные ре­ко­мен­да­ции — на­сто­я­щее де­ло на­уки.

«ОНС»: Ва­шим об­сле­до­ва­нием бы­ло ох­ва­че­но все об­щес­тво или не­ко­то­рые груп­пы, как вы по­ла­га­ете, ока­за­лись за его пре­де­ла­ми?

Т. 3.: Со­ци­оло­гические порт­ре­ты вы­де­лен­ных на­ми груп­п по­ка­зы­ва­ют, что за пре­де­ла­ми ис­сле­до­ва­ния оста­ются по край­ней ме­ре два сло­я, иг­ра­ю­щие важ­ную роль в транс­фор­ма­ци­он­ном про­цес­се. Во-пер­вых, это по­ли­ти­ческая и э­ко­но­мическая э­ли­та, пред­ста­ви­тели ко­то­рой не по­па­да­ют в вы­бор­ки мас­со­вых оп­ро­сов из-за своей ма­ло­чис­лен­но­сти. Са­ми ин­тер­вью­е­ры — ра­бот­ни­ки ре­ги­о­наль­ных цен­тров ВЦИОМ — хо­ро­шо зна­ют гра­ни­цы, за ко­то­рые их уже не пу­стят. Во-вто­рых, не ох­ва­че­но по­лу­кри­ми­наль­ное «со­ци­аль­ное дно», с одной сто­ро­ны, от­чуж­ден­ное от ос­таль­но­го об­щес­тва и жи­вущее по сво­им за­ко­нам, а с дру­гой — пред­ста­вля­ю­щее боль­шую кри­ми­но­ген­ную опас­ность, осо­бен­но в кри­зис­ные пе­ри­о­ды. Это ал­ко­го­ли­ки, нар­ко­ма­ны, без­дом­ные, лю­ди, ко­то­рые от­бы­ли за­клю­че­ние и не смо­гли вер­нуть­ся к нор­маль­ной жи­зни, и т. п. Дан­ный слой на­ши­ми ин­тер­вью­е­ра­ми (как пра­ви­ло, жен­щи­на­ми) так­же прак­ти­чески не ох­ва­чен.

«ОНС»: А по­зво­ля­ют ли име­ю­щие­ся в ва­шем рас­по­ря­же­нии дан­ные су­дить о ди­на­ми­ке из­ме­не­ний в со­ци­аль­ной струк­ту­ре рос­сий­ско­го об­щес­тва?

Т. 3.: Мы рас­по­ла­га­ем дан­ны­ми мо­ни­то­рин­га за три го­да, и это да­ет ма­те­ри­ал для ди­на­мичес­ких срав­не­ний. Ко­неч­но, со­ци­о­струк­тур­ные сд­ви­ги про­ис­хо­дят мед­лен­но, по­это­му от­сле­жи­вать их име­ет смысл лишь по от­но­ше­нию к зна­чи­тель­ным ин­тер­ва­лам. Я, в част­но­сти, срав­ни­ва­ла дан­ные, от­но­ся­щие­ся к 1993 (мар­т-де­ка­брь), 1994 (ян­варь-но­ябрь) и 1995 (ян­варь-сен­тябрь) го­дам. По­лу­чен­ная кар­тина соз­да­ет впе­чат­ле­ние не­ожидан­ной не­ус­той­чи­во­сти, из­мен­чи­во­сти со­ци­аль­ной струк­ту­ры, слиш­ком за­мет­ных сд­ви­гов в срав­ни­тель­ной чис­лен­но­сти груп­п и сло­ев от го­да к го­ду. В ус­ло­ви­ях ста­биль­но­го раз­ви­тия об­щес­тва по­ка­за­тели его со­ци­аль­ной струк­ту­ры от­но­сятся к чис­лу наи­бо­лее фун­да­мен­таль­ных, мед­лен­но ме­ня­ю­щих­ся ха­рак­те­ри­стик. На­ши же дан­ные фик­си­ру­ют зна­чи­тель­ные из­ме­не­ния, а ведь они от­но­сятся не к дли­тель­но­му ис­то­ри­чес­ко­му пе­ри­о­ду, а всего к трем го­дам.

«ОНС»: Но то­гда воз­ни­ка­ет во­прос: име­ем ли мы де­ло с ре­аль­ны­ми сд­ви­га­ми или здесь ска­зы­ва­ются про­сче­ты са­мой ис­сле­до­ва­тель­ской про­грам­мы?

Т. 3.: Од­но­знач­но от­ве­тить на этот во­прос не­лег­ко. С одной сто­ро­ны, о дос­та­точ­но бы­стрых и су­щес­вен­ных из­ме­не­ния­х со­ци­аль­ной струк­ту­ры сви­де­тель­ст­ву­ют осо­бен­но­сти ис­то­ри­чес­ко­го мо­мен­та. Рос­сий­ское об­щес­тво пе­ре­жи­ва­ет сей­час эпо­ху не мед­лен­но­го те­че­ния испод­воль из­ме­ня­ю­щих его со­бы­тий, а по­став­лен­но­го офи­ци­аль­ной це­лью и ак­тив­но осу­ществ­ля­е­мо­го пе­ре­хо­да из од­но­го ка­чествен­но­го со­сто­я­ния в дру­гое. Со­ци­аль­ным ме­ха­низ­мом этого пе­ре­хо­да слу­жат по­сле­до­ва­тель­ное ре­фор­ми­ро­ва­ние об­щес­вен­ных от­но­ше­ний, мно­го­сто­рон­ная а­дап­та­ция со­ци­аль­ных груп­п и сло­ев к из­ме­ня­ю­щим­ся ус­ло­ви­ям жи­зни, а так­же более ин­тен­сив­ная, чем пре­жде, со­ци­аль­ная мо­би­ль­ность на­се­ле­ния. В та­ких ус­ло­ви­ях ко­личес­вен­ное сжа­тие од­них груп­п, из­ме­не­ние со­ци­аль­ных ка­честв дру­гих, воз­ник­но­ве­ние и рас­ши­ре­ние тре­тьих пред­ста­вля­ют со­бой ес­тес­вен­ное яв­ле­ние. Это то, что ка­са­ется со­ци­аль­ной ре­аль­но­сти.

Однако, с другой стороны, отвечая на поставленный вами вопрос, надо говорить о точности и достоверности методов измерения численности групп и слоев. И здесь дело обстоит сложнее. Можно указать, по меньшей мере, на три источника потенциальных ошибок в оценке названных показателей. Первый связан с недостатками проектирования и реализации выборки мониторинга. Например, фиксируемое мониторингом сокращение удельного веса крестьян, в принципе, может быть связано как с их действительным переходом в другие группы, так и с усилившимся искажением выборки в пользу городского населения. Второй источник возможных ошибок — неполная идентичность статусных показателей в разных анкетах мониторинга (исключение одного из вопросов и корректировка формулировки другого). Третьим источником может служить неточность выделения групп и слоев, связанная с использованием косвенных показателей статуса из-за отсутствия прямых. В силу всего сказанного полученные данные я рассматриваю как приблизительные и отражающие, скорее, *качественные тенденции* трансформации социальной структуры, чем изменение ее количественных пропорций.

«ОНС»: Еще один момент хотелось бы уточнить. Если вспомнить социальную структуру советского общества, то основным «стержнем», скрепляющим всю иерархию, был идеолого-политический принцип. После крушения монополии КПСС этот стержень был вынут, что не могло не сказаться на социальной структуре. Сегодня мы имеем дело с переходным обществом, но не появился ли уже новый скрепляющий социальную структуру «стержень»?

Т. З.: Конечно, это упрощенная схема, но все же социологические исследования 80-х годов и более ранние показывали, что социальная структура советского общества отличается большой спецификой даже по сравнению с восточноевропейскими социалистическими странами. Там в социальной стратификации, более или менее уравновешивая друг друга, действовали экономический, политический и культурный компоненты статуса. У нас же они оказались фактически «сплюснутыми» до политического. Под этим я имею в виду место во властной иерархии: начиная от самого высокого руководства, далее начальства все меньшего и меньшего уровня вплоть до начальника цеха или заведующего лабораторией, а «внизу» расположились рядовые граждане. Тут и вся иерархия партийной номенклатуры, и все ступени бюрократии. Должность человека определяла очень многое.

«ОНС»: Да и просто статус предприятия также оценивался с политических позиций. Сколько благ, например, давала работа в любой должности на предприятиях военно-промышленного комплекса, не говоря уже о партийных учреждениях.

Т. З.: Это была удивительная система по своему строению. Теперь старая «начальственная» ось как бы надломилась, и вместе с тем очень властно заявил о себе экономический критерий, который сегодня освободился от прямой связи с занимаемой должностью. Например, какой-нибудь теневик, занимавший ранее скромную должность заместителя начальника цеха, смог легализовать и преумножить в кооперативе или на арендном предприятии свое состояние, успешно принял участие в малой приватизации и к большой приватизации уже подошел как лицо, способное диктовать свои условия чиновникам. В то же **время** по уровню доходов очень многие скатились «вниз».

Резкая дифференциация доходов последних лет сама по себе заставляет ощутить весомость экономического критерия. Он сейчас вышел на первое место как главный классифицирующий признак. На вопрос «Как вы считаете, в чем выражается высокое положение в обществе?» — люди в первую очередь отвечают: «В деньгах, в наличии собственности». Должность уходит на второй план. Но я бы сказала, лишь наполовину, потому что очень интенсивно происходит процесс сращивания экономического капитала и представляющего его слоя предпринимателей с бюро-

кратией. Оно осуществляется в самых разных формах, в том числе в форме собственности и владения. Конечно, государственный чиновник официально не может владеть предприятием, но у каждого из них есть жена, дети, другие родственники, не говоря уже о друзьях, так что формальный запрет легко обходится. Такие отношения пронизывают все общество и создают каналы для перекачивания государственных средств в частный сектор. По мнению многих бизнесменов, это то, без чего сегодня вообще невозможно заниматься предпринимательством. Свободный бизнес, не имеющий поддержки государственных органов, в нынешних условиях просто обречен на вымирание. И чем выше связи у предпринимателя в бюрократическом мире, тем больше у него шансов на процветание.

В этом плане очень резко выделяется то явление, которое называют формированием финансово-промышленных групп, или, в более широком плане, корпоративная форма собственности. Здесь весьма немногочисленные группы крупнейших собственников совершенно не изучены, доступа к ним социологи или какие-то иные ученые не имеют. А между тем именно они — истинные хозяева нашей экономики и той собственности, которую мы еще недавно называли общественной. И все же, хотя социологи и не охватывают своими исследованиями эту «верхушку», по их данным получается, что 10% наиболее обеспеченных респондентов владеет 40% собственности. Причем это определено по их собственным словам, а ведь известно: чем человек богаче, тем сильнее он занижает свои доходы (треть предпринимателей вообще отказывалась отвечать на подобные вопросы).

«ОНС»: Значит, «кривая доходов», построенная по этим данным, просто обрывается?

Т. З.: Да, и самая верхушка элиты остается белым пятном в нашей социальной структуре. Потому что здесь мы имеем не тот случай, когда можно было бы просто отвлечься от факта существования достаточно немногочисленной группы. Ее роль в жизни нашего общества огромна. Образовалась она в результате проведенной приватизации и сращивания бюрократии и бизнес-слоя. В руках правящей элиты есть два орудия, позволяющие воздействовать на предпринимателей в нужном направлении. Первое — формирование «правил игры» с помощью законодательства, различных нормативных актов. Второе — индивидуальные исключения из правил. В наших условиях несравненно эффективнее действует второе орудие, и это дает почву для объединения предпринимателей и чиновников для осуществления личных целей. Но где же здесь тогда стимулы к расцвету отечественного производства, к созиданию, о которых столько писалось в конце 80-х годов?

«ОНС»: Вы начали характеризовать верхний слой социальной структуры российского общества. Каков состав разных ее слоев? Изменились ли ваши представления об этом в начале исследования и на нынешнем его этапе?

Т. З.: Согласно исходной гипотезе, мною были выделены: *верхний слой*, включающий политическую и экономическую элиту, крупных и средних предпринимателей, высшую бюрократию, генералитет и лидеров директорского корпуса; *средний слой*, состоящий из мелких предпринимателей, наемных работников бизнес-профессий, интеллигенции (специалистов); *базовый слой*, в который входит «полуинтеллигенция» (т. е. помощники специалистов), работники торговли и сервиса, квалифицированные работники и крестьяне; *нижний слой*, представленный техническими служащими, работниками без профессий и люмпенами.

Как я уже говорила, в ходе работы исходная гипотеза была скорректирована. В результате, согласно уточненной схеме, социальная структура подразделяется на шесть слоев. *Верхний слой* составили экономическая и политическая элита, а также силовая элита, т. е. генералы вооруженных сил, министерств внутренних дел, безопасности. Этот слой на материалах мониторинга не идентифицирован. Затем выделяется *верхний средний слой* — средние и крупные предприниматели.

Далее идет *средний слой*, состоящий из мелких предпринимателей, менеджеров производственной сферы, руководителей непромышленной сферы (госаппарат), высшей интеллигенции, рабочей элиты и кадровых военных. Следующий — самый многочисленный *базовый слой*, представленный массовой интеллигенцией, полуинтеллигенцией, рабочими индустриального типа, крестьянами, работниками массовых профессий в торговле и сервисе. Затем были выделены *нижний слой*, в который включены работники без профессий и длительно безработные, а также «*социальное дно*» — люмпены, бездомные, освобожденные из мест заключения, алкоголики, наркоманы и проч. (последний слой также не идентифицирован на материалах мониторинга).

«ОНС»: В какой степени, по вашему мнению, соотносим состав нынешней элиты нашего общества и старой номенклатуры?

Т. З.: Отвечая на этот вопрос, я могу опираться на данные многих исследований, которые дают приблизительно одинаковый результат. Можно сказать, что новая элита процентов на 60 сформировалась из более молодой части элиты старой: это люди, которые либо занимали высшие номенклатурные посты, либо находились «во втором эшелоне». Приблизительно 30% составляют представители легализовавшегося теневого капитала. И не более 10% составляют лица, пришедшие «со стороны», в том числе из науки, культуры. К таковым относятся, например, С. Филатов, Г. Старовойтова, В. Шейнис, Г. Бурбулис и др., пришедшие в политику на демократической волне 1989 года и остающиеся в ней. В целом же от преобразований более всего выиграла номенклатура, ее наиболее современная и энергичная часть, которой стало тесно в узких рамках разваливающейся советской системы.

«ОНС»: А могло ли быть иначе?

Т. З.: Сейчас достаточно очевидно, что нет. Но в 80-х годах мы не думали о таком результате, и это нас как ученых, конечно, не украшает.

«ОНС»: Мы говорили о некоторых представителях верхнего, элитарного слоя нашего общества. А что представляет у нас средний слой и как можно соотнести его со средним классом Запада?

Т. З.: Наш средний слой по сравнению с западным совершенно другое явление. Есть даже предложения называть его «*срединным*», хотя предпочитают называть его «*средним*». Плохо, когда одним и тем же термином обозначают разные вещи, но в то же время ключ от замка никто не спутает с ключом—родником. Поэтому мне кажется, что слой, занимающий в нашей шкале среднее положение, более удобно называть «*средним*», не забывая о его специфике.

На Западе средний слой наиболее многочислен (это от 60 до 80% населения). Кроме того, представители среднего слоя занимают довольно высокое положение: они имеют высокий статус, солидный доход, обладают определенной собственностью и высокой квалификацией. Все это обеспечивает устойчивость общества, создает стабильность. У нас же ситуация совершенно иная. По нашим расчетам получается, что на долю среднего слоя приходится приблизительно четверть населения (в верхний слой, непосредственно смыкающийся с элитой, вошло всего 1,5% населения). То есть слой этот по сравнению с западным немногочислен и получает доходы в среднем в 2,5—3 раза выше, чем в следующем за ним базовом слое. Однако сам этот доход в среднем лишь несколько выше того прожиточного минимума, который определяется мониторингом по опросам граждан, а не по расчетам Госкомстата. Положение среднего слоя может быть охарактеризовано всего лишь как «*относительный достаток*», т. е. живет средний слой довольно скромно, а около 15% — бедно. И, конечно, стабилизирующим общество он быть не в состоянии.

Между тем здесь собраны весьма квалифицированные люди, самооценка квалификации у них самая высокая. И надо сказать, что социальное настроение среднего слоя лучше, чем базового, но оптимистов здесь втрое меньше, а пессимистов — в два с половиной раза больше, чем в верхнем среднем слое, состоящим из владельцев крупных и средних фирм.

«ОНС»: Несколько слов о базовом слое. Почему он так назван?

Т. З.: Меня критикуют и за название «базовый слой», но как по-другому его назвать, если он включает две трети общества. Это и массовая интеллигенция, и их помощники — полуинтеллигенция (лаборанты, медсестры, ассистенты и т. п.), основная часть рабочего класса, крестьяне, работники массовых профессий, торговля, словом, большинство занятых трудом по найму, главным образом в государственном секторе. Доходы их близки к прожиточному минимуму (лишь половина живет на уровне умеренного достатка и почти столько же за чертой бедности). 43% считают свое материальное положение плохим или очень плохим, около 90% полагают, что их доходы снижаются.

«ОНС»: А что бы вы смогли сказать о нижнем слое?

Т. З.: В наших расчетах он представлен лишь группой неквалифицированных работников, а потому недостаточно выразителен. В дальнейшем мы намерены расширить его за счет некоторых групп беднейшего, в том числе неработающего, населения — длительно безработных, одиноких пенсионеров, матерей-одиночек с несколькими детьми и т. п. Пока отмечу, что основную часть этого слоя составляют женщины, доля лиц старше 55 лет здесь в три раза выше, чем в среднем по всему массиву. Две трети этого слоя живут ниже черты бедности, а почти четверть на уровне нищеты.

«ОНС»: Не сравнивали ли вы социальную структуру нашего общества с социальной структурой стран Запада, постсоциалистических государств, а также развивающихся стран, стран Латинской Америки?

Т. З.: Мне не известно ни одно эмпирическое исследование, где бы сравнивались социальная структура России и стран Латинской Америки. Вместе с тем в общественно-научном мнении достаточно распространено представление, что ближе всего мы именно к этим странам, в частности по поляризации доходов. Думаю, что-то близкое можно сказать и о социальной структуре. Повторяю, исследований таких нет, но подобные мнения часто приходится слышать от людей, изучающих Латинскую Америку. Более того, аналогии предлагают искать уже не с Бразилией или Аргентиной, а с Мексикой, Чили, Парагваем...

«ОНС»: А что вы могли бы сказать о сопоставлении с восточноевропейскими постсоциалистическими странами?

Т. З.: Здесь у нас очень большие и, к сожалению, негативные отличия. Конечно, они определенным образом связаны с вдвое большим пребыванием в социалистическом статусе. Но есть и исторические особенности, и особенности психологии. Если чехи, венгры, поляки осознают себя европейцами, то у нас все же господствует иное мироощущение. Что же касается социальной структуры, то, например, самая сильная дифференциация доходов из всех постсоциалистических стран — в России. Сравним, скажем, с Чехией (по одинаковой методике) 3 показателя, по которым можно охарактеризовать глубину дифференциации доходов. В число «богатых», к которым причислялись люди, получающие два и более средних доходов, в Чехии попал 1 % населения, у нас — 8%; в числе «бедных» (с менее, чем половиной среднего дохода) оказалось 8% чехов и 26% россиян. А разница между «полюсами» богатства и бедности в Чехии составляет 6,8, а у нас — 8,6.

«ОНС»: Но все же как можно охарактеризовать изменения, происходящие в отечественной социально-профессиональной структуре?

Т. 3.: В сущности, мы имеем картину подлинной «перекройки» социально-профессиональной структуры общества, явно направленной в «рыночную» сторону. Заметный прирост численности характерен для двух типов социальных групп. Первый объединяет прямых носителей «рыночного начала»: крупных, средних и мелких предпринимателей, полупредпринимателей, работников торговли и сервиса. Ко второму типу относятся группы, обладающие дефицитными на современном рынке труда профессионально-квалификационными качествами (высшая интеллигенция, рабочая элита, работники силовых структур). Работники этого типа пользуются высоким спросом и хорошо оплачиваются, что облегчает их адаптацию к новым условиям и способствует рекрутированию представителей смежных групп.

Группы, ставшие «донорами» для остальных, также можно разделить на два типа. Первый представлен работниками традиционного и индустриального типов труда, соответствующих уже пройденной современными странами ступени научно-технического развития. В условиях спада производства, огромной скрытой безработицы положение этих работников наименее устойчиво. Многие из них преждевременно выходят на пенсию, другие берутся за любую работу, третьи пополняют ряды безработных. Молодежь, видя это, стала избегать обращения к неперспективным профессиям, поэтому фактор времени и смены поколений содействует сокращению этих групп.

Иное дело представители другого типа «доноров» — массовая интеллигенция, руководители производства и управленцы непромышленной сферы. Главными факторами сокращения их численности стали остановка или закрытие многих государственных предприятий и разрушение социальной инфраструктуры. В свое время советское общество гордилось «наибольшей в мире» численностью массовой интеллигенции (инженеров, врачей, учителей, агрономов). Для управления этой армией требовалось немалое число администраторов. Переход к рынку привел к упадку патерналистско-государственной социальной инфраструктуры. Одновременно из производственной сферы, многих НИИ высвободилось огромное число конструкторов, технологов, научных сотрудников, других специалистов, которые вынуждены были искать новое применение своим силам. Некоторые занялись предпринимательством, иногда совмещаемым с работой по найму, другие, повысив свою квалификацию и интенсифицировав труд, дополнили ряды высшей интеллигенции, третьи вынуждены были заняться менее квалифицированной, но пользующейся большим спросом и выше оплачиваемой работой помощников специалистов.

«ОНС»: Каковы же в целом объективные результаты трансформации социальной структуры российского общества, вышедшего из общества советского?

Т. 3.: В этом отношении есть разные мнения. Одни считают эти сдвиги, скорее, поверхностными, другие полагают, что современная социальная структура принципиально отличается от советской. С моей точки зрения, результаты трансформации можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, либерализовался и демократизировался процесс формирования социальной структуры. Ушли в прошлое «направляющая» и репрессивная деятельность КПСС и КГБ, скреплявшая и стабилизовавшая социальную структуру СССР. Становление многопартийности, свобода личного выбора типа деятельности, места работы и жительства, образа жизни сделали эту структуру менее жесткой. Но обратной стороной этого изменения, платой за расширение свобод стало ослабление законности и общественного порядка.

Во-вторых, структура общества стала более подвижной и диверсифицированной, типы социальных статусов — более многообразными.

В-третьих, во много раз возросла открытость элиты и субэлитных групп, заметно легитимизировались пути их формирования, хотя традиции криминальной экономической деятельности, сложившейся еще в СССР, не только сохранились, но и намного расширились. Однако в целом социальный статус, условия и образ жизни элитных групп в России приобрели большую легальность, а соответственно, и открытость. Например, госдачи номенклатуры прятались за высокими заборами, а коттеджи «новых русских» стоят на виду у всех. Но здоровая тенденция к «рассекречиванию» социальной дифференциации сопровождается, к сожалению, ее ростом, углублением статусного разрыва между элитой и основной частью общества. Благосостояние массовых групп населения резко снизилось, а система социальной защиты фактически пребывает в коллапсе. В результате вместо ожидавшегося социального партнерства демократической власти с народом произошло дальнейшее усиление антагонизма «верхов» и «низов».

В-четвертых, либерализация экономики и развитие рыночных отношений привели к возникновению нового элемента отечественной социальной структуры — слоя предпринимателей-собственников и менеджеров, названного мною бизнес-слоем. Обладая значительной социальной энергией и существенным экономическим статусом, этот слой потенциально способен содействовать эффективному развитию реформ. В то же время нынешние условия его функционирования нельзя назвать благоприятными.

В-пятых, идут изменения общей модели социальной стратификации общества, т. е. сравнительной значимости политического (управленческого), экономического и культурного потенциалов групп. Резко повысилась зависимость социального статуса от экономических факторов, но вместе с тем, как я говорила, идет сращивание экономических потенциалов групп и слоев. Усиливается зависимость социального статуса и от социокультурных факторов — качества образования, уровня квалификации и профессионального опыта работников, что связано с процессами приватизации в экономике и становлением свободного рынка труда. Например, опросы последнего времени фиксируют рост достигательных мотиваций у молодежи (интерес к повышению образования и квалификации, к сложной, но хорошо оплачиваемой работе). Однако резкие различия экономической ситуации в регионах, отраслях, типах поселений, на отдельных предприятиях в сочетании с локализмом, неуправляемостью и «дикостью» рынков рабочей силы препятствуют развитию этих позитивных тенденций, ставя оплату труда в зависимость от множества случайных факторов.

«ОНС»: Так какую оценку вы бы дали охарактеризованным вами результатам?

Т. З.: Ситуация противоречива. Общее направление трансформации социальной структуры носит, на мой взгляд, прогрессивный характер, но позитивные сдвиги пробивают дорогу через тернии негативных. Социальная цена реформ оказалась крайне высокой, и теперь задача заключается в том, чтобы максимально использовать достигнутые позитивные результаты и нейтрализовать негативные. Главное — решить проблему адаптации различных групп населения к новой социальной реальности.

Пока же социальная структура российского общества становится все более неравновесной, поскольку основную его часть составляет базовый слой, находящийся в крайне неблагоприятном положении. Низкий социальный потенциал этого слоя не позволяет ему быстро адаптироваться к новым условиям, что вызывает у него рост недовольства. Пока оно выражается преимущественно вербально, но в случае дальнейшего ухудшения ситуации может принять формы, угрожающие стабильности общества.